

Д.Г. Целорунго

ОРГАНИЗАЦИЯ СПАСЕНИЯ РУССКИХ ВОИНОВ, РАНЕННЫХ В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ

С началом войны 1812 года из-за большого количества раненых русскому командованию пришлось отказаться от порядка оказания медицинской помощи на месте, т.е. вблизи от места ранения, как это было принято в войнах XVIII в. Именно в тот период была введена и успешно прошла апробацию эвакуационная система, впоследствии названная дренажной. Эта система состояла из следующих структурных элементов: передовые перевязочные пункты (полковые перевязочные пункты), развозные госпитали, подвижные госпитали 1-й, 2-й, 3-й линий; главные временные госпитали. В этой связи были развернуты 65 военно-временных госпиталей во внутренних губерниях России¹. Среди этих госпиталей был и военно-временный госпиталь в г. Можайске, куда поступали больные и раненые русские солдаты до 24 августа 1812 г. включительно. Так, мы располагаем данными, что «за болезнями» 21–23 августа 1812 г. в Можайский военно-временный госпиталь поступило 33 рядовых Капорского пехотного полка, в этот же военно-временный госпиталь 24 августа поступило восемь grenадер и 23 рядовых Одесского пехотного полка². 24–26 августа в подвижной госпиталь, расположенный в том же Можайске, поступило 58 grenадер и 113 рядовых Одесского полка³.

Первичная медицинская помощь русским воинам в Бородинском сражении оказывалась в большинстве случаев полковыми медиками вблизи места ранения, по возможности производились и операции, т.е. на передовых линиях в передовых перевязочных пунктах. Эвакуационная система не предусматривала развертывание каких-либо крупных полевых госпиталей с многочисленным медицинским персоналом в тылу войск непосредственно на поле сражения. Передовые перевязочные пункты старались разместить в небольших складках местности или за полевыми укрытиями, закрывающими раненых от ружейного, но не артиллерийского огня. В подобных местах

сами собой образовывались так называемые «гнезда раненых», т.е. естественные скопления раненых. Гладкоствольное оружие вынуждало противников сближаться на расстояния до 50–100 м, что обеспечивало сравнительную безопасность для раненых даже вблизи от неприятеля. Так, в частности, передовые перевязочные пункты были расположены внутри Семеновских флешей, Горкинских батарей, внутри люнета батареи Раевского и внутри Шевардинского редута, на окраине с. Бородина ближе к р. Колочи и на окраине д. Утица (см. схему)⁴.

Вывоз раненых с передовых линий производился военной полицией. Ее начальник генерал-гевальдигер обязан был сделать из особой конвойной команды цепь, через которую доставлялись раненые в развозные госпитали для дальнейшей транспортировки в подвижную госпиталь. Собственно, цепь эта состояла из малых отрядов, расставленных позади сражающихся войск, причем им указывались места расположения перевязочных пунктов, для отсылки на них легко- и отвоза тяжелораненых. Потому строжайше было запрещено солдатам выходить из строя для выноса раненых. Бродяг военная полиция отводила к комендантам, убитых по возможности отвозила в бли-

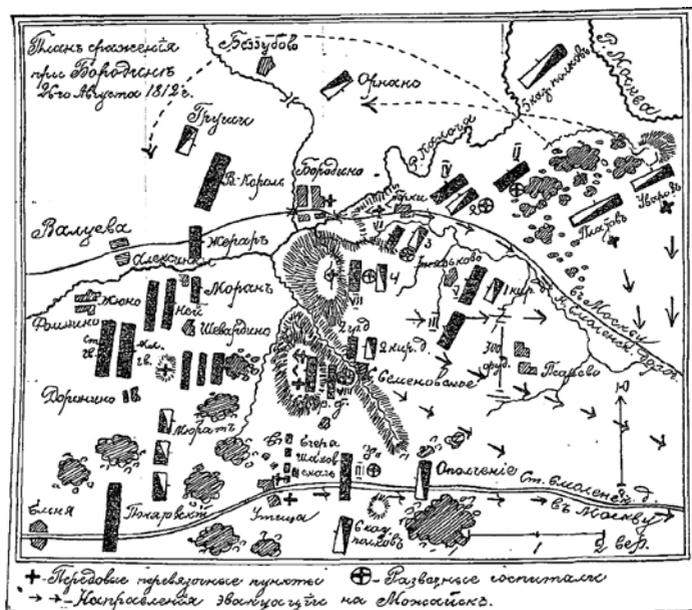

Схема работы санитарной службы на Бородинском поле сражения 26 августа 1812 г.

жайший тыл для предания земле. На перевязочных пунктах должны были быть лазаретные фуры и обывательские подводы. В случае надобности полиция пополнялась казаками и ополченцами⁵. В 1-й Западной армии основу военной полиции составляли четыре эскадрона Ингерманландского драгунского полка; во 2-й Западной армии, по нашим данным, отдельной воинской части под эту задачу выделено не было.

Развозные госпитали были расположены за передовыми перевязочными пунктами, примерно в полукилометре, из расчета три развозных госпиталя на одну армию (один центральный и два фланговых развозных госпиталя). Места расположения развозных госпиталей в Бородинском сражении были указаны генерал-штаб-докторам армий дежурными генералами двух армий еще до начала сражения. Один развозной госпиталь располагал скромным медицинским штатом. Во главе развозного госпиталя стоял корпусной или дивизионный лекарь, у него в подчинении состояли один-два лекаря, прикомандированные из полков, один аптекарь с помощником. Кроме того, к центральному развозному госпиталю был прикомандирован один штаб-офицер, два обер-офицера и 50 рядовых или нестроевых, а к каждому фланговому – один обер-офицер и 30 рядовых или нестроевых. Примерно такой штат должен был обслуживать в среднем один корпус⁶.

Таким образом, организация медицинской помощи раненым в Бородинском сражении была такова: в редутах, во флешах и вообще всюду, где кипел бой, она оказывалась под огнем полковыми лекарями на передовых перевязочных пунктах. С этих пунктов раненые доставлялись военной полицией в развозные госпитали, расположенные в непосредственной близости за ними. Основная функция развозных госпиталей состояла в том, чтобы транспортировать раненых в подвижной госпиталь, находящийся в Можайске. В развозных госпиталях только по возможности нуждающимся раненым делались операции и перевязки. Про носилки во всех источниках говорится исключительно мало, ибо почти вся масса тяжелораненых вывозилась с передовых линий прямо на подводах, а легко- и среднераненые зачастую передвигались самостоятельно⁷.

Необходимо отметить, что в то время существовала практика оставления тяжело раненных нижних чинов на поле сражения, решение о том, транспортируемых тот или иной раненый, зачастую принимал полковой лекарь.

Для доставления раненых в подвижной армейский госпиталь в Можайск надлежало использовать 1 000 подвод развозных госпиталей (750 для 1-й армии и 250 для 2-й армии) и 300 человек сопровождающих для 1-й армии и не менее 100 человек для 2-й армии, причем эти сопровождающие отряжались независимо от людей, назначенных состоять в пере-

довой цепи⁸. Этим процессом также руководил генерал-гевальдигер. Каким количеством подвод в действительности располагали в Бородинском сражении развозные госпитали неизвестно, скорее всего, гораздо меньше предписываемого количества. Раненые с поля сражения направлялись в подвижной госпиталь, который должен был располагаться не далее 16 км в тылу. 26 августа подвижной госпиталь находился в 12 км от Бородина, в Можайске. В помощь врачам в Можайске назначалась команда из офицеров и нижних чинов, всего 269 человек, кроме того, отряжалось 300 человек от конвойной команды для расстановки их по промежуточным этапам до Москвы. Для дальнейшего вывоза раненых должно было быть собрано 2 тыс. подвод (т.е. на 4–5 тыс. тяжелораненых). Процесс вывоза раненых из Можайска начался во время сражения. Подвод потребовалось вдвое больше, чем для развозных госпиталей, потому что, например, 1 000 подвод развозных госпиталей совершили за время битвы два рейса с поля сражения в Можайск. Следующая станция Шелковка (Шелковна) находилась в 22 верстах от Можайска, т.е. вдвое дальше, чем расстояние от Бородина до Можайска. Далее две следующие станции находились в селах Кубинское и Перхушкино и конечная в Москве, расстояние между станциями 24–30 км. На каждой из этих станций должно было быть по два лекаря и фельдшера с перевязочными средствами и лекарствами, а также продовольствие и по 300 подвод. По свидетельству генерал-интенданта Е.Ф. Канкрин, он не обнаружил на станциях почти ни одной из обещанных Раstopчиным 1 000 подвод. Таким образом, на обе армии был всего один подвижной госпиталь, а не три госпиталя, расположенных в три линии по маршруту следования. Необходимость быстрого отступления к Москве диктовала именно такое решение, а три линии подвижных госпиталей заменялись промежуточными станциями, на которых раненые проводили ночи для отдыха, а на утро двигались далее. Только на станции в Кубинском подвижной госпиталь провел полдня, в течение которого раненым были сделаны необходимые перевязки, причем некоторым из них это было сделано впервые после ранения⁹. О количестве подвод в подвижном госпитале достоверных сведений нет, но, по всей видимости, их было не менее тысячи. Достаточно ли такое количество для транспортировки всех подобранных на поле тяжелораненых? Возможно, что достаточно. Легко и средне раненные солдаты передвигались пешим ходом, покрыть же расстояние в 24–30 км за день представлялось для них вполне выполнимой задачей. В то же время нам неизвестны документальные данные о количественных пропорциях тяжело- и легкораненых. Но если учесть, что в то время существовала практика оставления тяжелораненых солдат на месте боя, свидетельством чего стали

10 тыс. пропавших без вести, то можно полагать, что тяжелораненых среди эвакуированных солдат было относительно немного.

Всем раненым, по утверждению Я.В. Вилие, были сделаны перевязки и нужные операции. Генерал Е.Ф. Канкрин в своем отчете, поданном императору Александру, писал: «...мы нигде почти не оставили раненых, даже из Можайска, где я был почти один, вывезены до наступления другого утра все наши раненые. На дороге учреждены были станции, и хотя скорое отступление требовало, чтобы только ускорить дальнейшее движение колонн, но раненые и на повозках получали себе пищу; часто расходились они по избам, но всегда, хотя с великим трудом, были вновь собираемы и отправляемы»¹⁰.

Командование проявляло заботу об отправленных из Можайска раненых. Так, в рапорте от 29 августа 1812 г., находясь в с. Перхушкино, генерал-полковник 1-й Западной армии М.И. Левицкий докладывал главнокомандующему всеми армиями М.И. Голенищеву-Кутузову, что по прибытии на 1-ю станцию в Шелковне он направил для транспортировки оставшихся в Можайске раненых все понтонные дроги и порожние повозки из запасных парков. На второй станции в с. Кубинском Левицкий организовал доставку хлеба и сухарей для раненых.

На 3-й станции в с. Перхушкино в распоряжение Левицкого предводитель звенигородского дворянства отставной генерал-майор А.А. Тучков выставил 500 подвод, из которых 350 отосланы были в с. Кубинское для поднятия остальных раненых. Кроме того, из Звенигорода должны были подвести хлеба 400 пудов. К оставшимся в Перхушкине 150 подводам было прибавлено еще 200 подвод, на которых, по заверению Левицкого, без затруднения будут доставлены в Москву все раненые¹¹.

Косвенным доказательством серьезности преодоленных препятствий служит факт награждения нескольких воинских начальников за «спасение раненых» после Бородина и при оставлении Москвы. Генерал-вагенмейстер полковник Черепанов, генерал-гевальдигер 1-й Западной армии майор Петерсон были награждены «За спасение нескольких тыс. раненых в сражении 26 августа и после оног»¹².

Шеф 1-го егерского полка Московского ополчения тайный советник Н.Н. Демидов по приказу графа И.И. Маркова собрал в Можайске 6 тыс. человек, «кои относили раненых и отводили пленных»¹³. Майор Московского конно-казачьего полка Павлов получил орден Св. Владимира 4-й степени с бантом за то, что, командуя четырьмя эскадронами, способствовал движению обозов и раненых от Бородина, а потом через Москву¹⁴.

Вместе с тем в литературе бытует утверждение, что русским в Можайске пришлось оставить до 10 тыс. мертвых, эти данные попали на бумагу с

легкой руки бывшего капитана гвардейской конной артиллерии Великой армии Ж. Шамбрэ¹⁵, вслед за которым этот факт «вспоминали» и другие французские мемуаристы. Остановимся на этом мифическом числе подробней. Во-первых, указанное количество оставленных в Можайске русских раненых Ж. Шамбрэ было чисто эмоциональным и не опиралось на какие-либо документы, а времени и возможности заняться таким подсчетом у самого Шамбрэ во время краткосрочного пребывания в Можайске не было, что, впрочем, и не входило в его должностные обязанности. Тем не менее это не помешало повторять позаимствованные у Шамбре данные в своих воспоминаниях бывшим наполеоновским офицерам Ф.П. Сегюру, Ц. Ложье и др. Это мифическое число повторяют и некоторые современные историки, хотя, несомненно, Ж. Шамбрэ упоминал о 10 тыс. мертвых тел русских в Можайске совершенно в духе наполеоновской пропаганды. Так, в одной из четырех центральных парижских газет *Le Journal de l'Empire* от 25 сентября 1812 г. в статье, посвященной блестящей победе при Бородине и быстрому наступлению войск Наполеона на Москву, было написано, что его авангард уже 9 сентября находился в 15 часах от Москвы (Наполеон вступил в Москву 14 сентября. – Д.Ц.), а все деревни по дороге были переполнены убитыми и ранеными русскими¹⁶. К сожалению, некоторые современные исследователи сугубо пропагандистские моменты в мемуарах воинов наполеоновской армии принимают за фактический материал.

Тем не менее в Центральном государственном историческом архиве Москвы хранятся документы, относящиеся к последнему этапу трагедии, развернувшейся на Бородинском поле – уборке тел павших воинов и конской падали¹⁷. Из этих документов мы узнаем, что в 1812–1813 гг. было убрано и захоронено или перезахоронено 2 161 тел (русских и наполеоновских воинов) в Можайске и его окрестностях¹⁸ в радиусе примерно 5 км. И это с учетом тел павших воинов противоборствующих сил в арьергардных боях у Можайска. По поводу оставленных в Можайске русских раненых, о которых часто вспоминают французские мемуаристы и отечественные историки, надо иметь в виду, что в городе, кроме подвижного госпиталя, находился и военно-временный госпиталь. В этот госпиталь в 20-е числа августа было доставлено значительное количество прежде всего больных, а также раненых в боях до 24 августа солдат из частей русской армии, подошедших к Бородину. Есть документальные свидетельства, что этот госпиталь продолжал существовать в сентябре – декабре 1812 г. Впрочем, военный госпиталь в Можайске существовал и в 1839 г., на то есть документальные свидетельства, в которых речь идет о постройке временного госпиталя для войск, участвовавших в маневрах и в юбилейных торжествах на Бородинском поле

в 1839 г. В документах комиссии, которая планировала расход денежных средств на строительство и содержание госпиталя, рекомендовалось руководствоваться примером Можайского военно-временного госпиталя, существовавшего в прежнее время в Можайске¹⁹.

В Москве на 1 августа в военных госпиталях находилось всего 1 200 больных²⁰. В течение августа, еще до Бородинского сражения, в московские госпитали прибыло 15–18 тыс. раненых и больных солдат. Они заполнили четыре госпиталя, развернутых в приспособленных помещениях²¹. Для тяжелораненых под Бородином были развернуты еще два госпиталя (по данным Я. Виллие, на 5 тыс. человек). Остальные (около 15 тыс.) уже 30 августа получили приказ Ф.В. Ростопчина не останавливаясь следовать на Коломну, куда первоначально переводился главный военно-временной госпиталь.

По свидетельству Ф.В. Ростопчина, эвакуация в Коломну раненых из московских госпиталей была осуществлена следующим образом: для этой цели по его приказу было выставлено у городской заставы еще за пять дней до эвакуации 5 тыс. подвод. После объявления эвакуации более 20 тыс. человек успели поместиться на подводы, хотя и не без суматохи и споров; прочие последовали за ними пешком. Весь транспорт двинулся с места около 6 часов утра. В Коломне 4 тыс. человек были посажены на барки и отправлены вниз по Волге к Касимову. В округе этого города по приказу М.Б. Баркляя де Толли должен был быть развернут главный военно-временный госпиталь. Остальные раненые пешком и на подводах сначала следовали вместе с отступающей армией и беженцами до с. Боровский перевоз, потом армия свернула с Рязанской дороги на Тульскую, а затем на Калужскую дорогу. В результате маневра армия и госпитали двинулись в противоположных направлениях.

Около 2 тыс. больных и тяжелораненых остались в Москве на своих кроватях в ожидании неприятеля и смерти. Из них по возвращении в Москву Ф.В. Ростопчин застал в живых только 300 человек²².

Количество оставленных в Москве тяжелораненых оценивается в литературе по-разному: от 2 тыс. (Ф.В. Ростопчин) до 10 тыс. человек (Шамбре), а по данным бюллетеней Великой армии, до 30 тыс. раненных и больных русских были оставлены в московских госпиталях без помощи и пищи²³.

Новые военно-временные госпитали расположились в округе городов Касимов, Елатьма и Меленки. Задача размещения такого количества больных и раненых в маленьком уездном городишке с населением не более 2 тыс. человек была очень нелегкой. Чтобы обеспечить хоть какую-то крышу над головой, их располагали дополнительно еще по деревням по 10–15 человек в каждом доме. Были использованы практически все постройки, включая сараи, бани и т.д. В таких условиях оказывать помощь и делать перевязки

раненым можно было не чаще двух-трех раз в месяц. Большие госпитали были развернуты и в Рязани.

Выздоровление раненых и больных в этих госпиталях шло достаточно быстро. Через три недели из общего числа поступивших в госпитали со дня их учреждения в 29 317 нижних чинов, из которых 60% были отправлены к армии или были подготовлены к отправке, умерло к этому времени 1 105 (4%), остальные продолжали лечение или были признаны неспособными к службе. Среди офицерского состава картина была подобная. К началу апреля 1813 г. из главного военно-временного госпиталя на формирование новых и усиление действующих частей было отправлено 32 штаб-, 470 обер-офицеров и 21 370 нижних чинов, или 73% от воинов, находившихся на излечении²⁴.

Но здесь надо учитывать то обстоятельство, что среди раненых, помещенных в военно-временных госпиталях в Касимове и близлежащих к нему населенных пунктах, преобладала доля легкораненых, так как большая часть тяжелораненых осталась на поле сражения и некоторое количество в Москве.

Утверждение о том, что отход с позиций при Бородине и оставление Москвы могли быть осуществлены ценой потери и гибели большого числа раненых русских воинов (до 20 тыс. человек²⁵), по нашему мнению, безосновательны; в противном случае необходимо утверждать, что практически все раненые в Бородинском сражении не выжили, что противоречит данным архивных документов. Известно, что было ранено около 20 тыс. русских солдат и офицеров²⁶.

Мы располагаем сведениями о возвращении в строй нижних чинов, в данном случае унтер-офицеров после ранений и контузий, полученных в Бородинском сражении. Всего при Бородине приняли участие 7 361 унтер-офицер 1-й и 2-й Западных армий, из которых на 2 029 человек, или 28% от общего количества, в нашем распоряжении имеются формулярные списки, что является репрезентативным для генеральной совокупности участвовавших в сражении русских унтер-офицеров. Мы располагаем данными из формуляров на 239 унтер-офицеров, раненых при Бородине и затем, после выздоровления, вернувшихся в строй. Следовательно, доля раненых при Бородине в нашей выборке составила 12,0% от всей генеральной совокупности привлеченных нами формуляров на 2 029 солдат.

Всего при Бородине, согласно корпусным ведомостям убитых, раненых и без вести пропавших нижних чинов русской армии, было ранено 1 307 унтер-офицеров, что составило 18% от общего числа в 7 361 унтер-офицеров, участвовавших в сражении²⁷. Показатели доли раненых при Бородине унтер-офицеров в 12% и 18%, которые попали в нашу выборку и извлечены

из ведомостей потерь при Бородине, вполне сопоставимы. Здесь надо учесть то обстоятельство, что основная часть отобранных нами для исследования унтер-офицерских формуляров были составлены в 1814 г. и не все унтер-офицеры, вернувшиеся в строй после ранений при Бородине, дожили до апреля 1814 г.

Аналогичные результаты получены и по раненым при Бородине русским офицерам в 1 184 человек, или 29% от общего количества русских офицеров – участников Бородинского сражения в 4 036 человек, и 440 человек, или 21% от 2 074 офицеров нашей выборки, вставших в строй после ранения в Бородинском сражении и доживших до апреля 1814 г.²⁸

Таким образом, организация спасения русских офицеров, раненных в Бородинском сражении, прошла вполне удовлетворительно, так как число офицеров, пропавших без вести в Бородинском сражении, составляло 44 человека, т.е. менее 1% от общего количества офицеров, куда входили как пленные, так и оставшиеся на поле раненые. Касательно нижних чинов она прошла значительно менее эффективно, особенно на первом этапе, из-за оставленного значительного числа тяжелораненых на поле сражения, которые были зачтены в 10 тыс. пропавших без вести, или 10% от общего количества нижних чинов регулярной русской армии. Относительно судьбы раненых, подобранных военной полицией, можно утверждать, что их последующая транспортировка на весьма значительное расстояние прошла в целом удовлетворительно, несмотря на тяжелые условия отступления, а лечение и уход в военно-временных госпиталях были эффективны, о чем говорят цифры вернувшихся в строй.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кузьмин А.А. Некоторый опыт лечения раненых во время Отечественной войны 1812 г. // Вестн. Воен. ун-та. М., 2011. С. 156–157.

² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 352. Л. 398об.; Д. 640. Л. 10об.–11.

³ Там же. Д. 640. Л. 106об.–114.

⁴ Заглухинский В.В. и др. Организация и работа военно-медицинской службы русской армии в Отечественную кампанию 1812 года. М., 1912. С. 192–195.

⁵ Там же. С. 195–196.

⁶ Там же. С. 191–192, 195.

⁷ Там же. С. 192.

⁸ Там же. С. 198.

⁹ Там же. С. 200–201.

¹⁰ Отчет за войну против французов в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах, составленный генерал-интендантом армии Канкриным и повергнутый на высочайшее воззрение императора Александра I графом Барклаем де Толли, 5 марта 1815 года // Рус. инвалид. 1857. №115.

¹¹ РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 107. Ч. 17. Л. 5–6об.

¹² РГВИА. Ф. 29. Оп. 153г. Св. 1. Ч. 1. Д. 80. Л. 2, 4.

¹³ Бородино: Документ. хроника. М., 2004. С. 293.

¹⁴ РГВИА. Ф. 29. Оп. 153г. Св. 2. Ч. 1. Л. 66.

¹⁵ *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2. С. 239.

¹⁶ *Земцов В.Н.* Французская пресса 1812 г. о Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2014. С. 24–25.

¹⁷ ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 3. Д. 2867; Ф. 392. Оп. 1. Д. 6; Д. 7. Св. 2.

¹⁸ *Суханов А.А.* Отчеты Можайских властей о захоронении на Бородинском поле в 1812–1813 гг. тел павших воинов // Бородинское поле: музей и памятник. М., 2005. С. 74.

¹⁹ ЦГИА г. Москвы. Ф. 17. Оп. 5. Д. 1023, 1027.

²⁰ РГВИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

²¹ Там же. Д. 11. Л. 228.

²² *Попов А.Н.* Москва в 1812 году // Рус. архив. 1875. Кн. 3. С. 276; 1812 г. в записках Ф.В. Растопчина // Рус. старина. 1899. Т. XII. С. 719.

²³ *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 276–277.

²⁴ *Шведов С.В.* Организация спасения русских раненых в 1812 году и возврат их в строй // От Москвы до Парижа. Малоярославец, 1998. С. 116.

²⁵ Там же. С. 119.

²⁶ Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 192–201.

²⁷ Там же.

²⁸ *Целорунго Д.Г.* Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения. М., 2002. С. 187, 193.